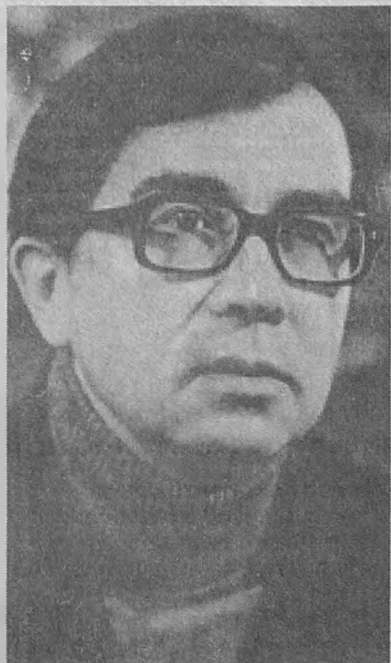

**На смерть
Валерия Гаврилина**
Негармонично,
Грубо,
Глухо,
Так оскорбительно для слуха
Тончайшего
Последний звук,
Промерзлых комьев бряк и стук
Обрушенный на крышку гроба.
Распластанные, мокрые сугробы,
Как молчаливые собаки...
Взлетел
Освобожденный дух!
Но слух
Остался там, во мраке.
Он жив.
Он ловит на прощанье
Земли оставленной звучанье.
Еще ни камня, ни креста,
Лишь черных сучьев немота.
Трамвая отдаленный топот,
Могильщиков веселый ропот,
И наше бедное «прости»
Песком в горсти...
О сколько, сколько будет длиться
Неблагозвучья торжество!..
И детской песенкой синицы
Земля утешила его...
Альбина ШУЛЬГИНА.

Плач по Валерию Гаврилину

В печальный январский день случайно включил телевизор. Попал куда-то на самый конец «Вестей». Показывали фрагмент из какого-то давнишнего интервью Валерия Александровича, а потом его выход на поклон по самому краю эстрады и вдруг... не дав ему дойти до подиума, все оборвалось. Как-то странно и непонятно неряшливо показалось это, в сердце что-то заняло... Предчувствие не обмануло.

С той поры и навсегда поселилась в сердце неизбывная боль утраты близкого по духу человека, бремя невысказанных слов, недоговоренных разговоров. В той или иной мере это чувство вины и невыполненного долга испытывали все, кто принимал участие в Фестивале, посвященном 60-летию В. А. Гаврилина (Санкт-Петербург, 13 сентября – 1 октября 1999 г.), – от художественного руководителя фестиваля В. Чернушенко и известных исполнителей до его дирекции и сотрудников Союза композиторов Санкт-Петербурга. Мало исполнили, мало печатали, мало уделяли внимания, мало дарили тепла и искренних слов, которые для такого тонкого, доброго и ранимого человека были особенно необходимы.

При всей радости от состоявшихся в эти дни новых встреч с музыкой Валерия Гаврилина, залов, переполненных поклонниками его музыки, – скажу, что высокого качества и глубины интерпретаций было маловато. Достойнее всего прозвучало то, что делалось не к случаю, а накапливалось годами преданности автору и постоянного общения с его чистой, светлой и многострадальной музой. Нельзя в одночасье, на скорую руку сделать труднейшие «Перезвоны» – в северной столице они дожидались своего часа полтора десятилетия. Нельзя во искупление всех прошлых невниманий одарить большими прекрасными залами то, что требует тончайшей камерной выделки и в таком зале чувствует себя сиротливо...

Особо подчеркнем, что после смерти Гаврилина, в ситуации отсутствия того, что в строительстве называется «авторский надзор», качество исполнения его музыки вырастает, по-видимому, в большую проблему. Многих сбивает с толку высокая демократичность устремлений, кажущаяся доступность его музыкального языка и жанровых ориентаций, обращение к слову. Все на вид так просто. И в этом несомненное сходство со Свиридовым, музыку которого после его смерти стали петь многие, кого при жизни он просто не допустил бы к исполнению, объяснив при этом, что простота не есть простоватость, народность языка не повод для стилизации под аутентичный фольклор, театральная выпуклость образов не есть предлог для ряжения в пейназ или «живых картин», а близость земли и еле приметное восприятие над ее многозначным ландшафтом – не повод для опускания на землю, ибо быт и Бытие – слова однокоренные, но отнюдь не тождественные.

Сказать, что Гаврилина в Питере не любили, было бы неверно. Его любили, и даже очень; правда, преподавать в консерваторию так и не позвали, да и в других околонузыкальных кругах не очень-то почитали за прямоту суждений и верность своим идеалам, не говоря уж о том, что авторские концерты, премьеры и заказы на новые сочинения случались не часто. А для такого редкого художника, как Гаврилин, суть профессии композитора состояла не в том, что он напишет на бумаге и положит для потомков на полку, а в том, что он сможет сказать, большой, всенародной аудитории. Если такой возможности нет, подчас и говорить-то не хочется... Когда еще при его жизни заговорили о предстоящем юбилее и возможном «Фестивале музыки В. Гаврилина», он был не то чтобы против, но считал, что лучше не фестиваль, а один хороший концерт, и пораньше, не дожидаясь юбилея (17 августа). Он, видимо, чувствовал и знал о приближающемся часе, к мыслям о нем возвращался во многих своих сочинениях...

Открылся фестиваль 13 сентября на сцене МАЛЕГОТа имени М. П. Мусоргского балетом «Анюта» в постановке Большого театра России. Хореограф-постановщик Владимир Васильев исполнил в тот вечер партию Петра Леонтьевича (отца). К сожалению, из небольшой рецензии в «Культуре» ничего, кроме описания переживаний балетоманов, не извлечешь. Это было за десять дней до начала основного блока концертов, который открывался самым, по-моему, великим сочинением автора – хоровой симфонией-действием «Перезвоны».

Невольно вспомнились первые, хотя и не частые, но ошеломляющие исполнения Московского камерного хора, в том числе и в тогдашнем еще Ленинграде. По иронии судьбы, примчавшись на концерт с опозданием на восемь часов поезда, я оказался на балконе Большого зала Филармонии, как раз там, где слушал их в 1989 году, причем стоял так, что каждую минуту не только мог сравнивать происходящее с до боли живым ощущением того, еще храня-

щегося в душе звучания, но и ловил устремленный в мою сторону печальный взгляд стоявшего на сцене портрета композитора... Дело вовсе не в том, что захотелось продолжить традиционное для русской музыки сопоставление Москвы и Петербурга или Московского камерного хора и Санкт-Петербургской певчей капеллы. Я не сторонник этих противопоставлений и до сих пор с немалым трепетом, чем мининские «Перезвоны», лелею в душе память о двух гениальных исполнениях Петербургской капеллой «Всенощной» Рахманинова. Просто в одном случае музыка эта воспаряла, возносила до небес, в другом – опускалась на землю; в одном – исполнение готовилось около двух лет, в другом незадолго до фестиваля... В первом естественность и задушевность гаврилинской интонации столь же легко и свободно переливалась в филигранно выделанную звучность хора, в свободу мастерской самоотдачи солистов и гениального по точности попадания голоса Роголда Суховерко. В другом – хор буквально висел на руке у дирижера, солисты заставляли волноваться и замирать, но уже не от изумительной красоты своих партий и их совершенного исполнения, а из боязни, что эта встреча может привести к катастрофе. Мизансцены с накидыванием платков, выходами из-за хора, стадионными вариантами «бегущей волны» и прочими дежурными блюдами театрализации скорее напоминали наивно раскрашенную графику, где

строгость и чувство меры, а тем более вторые и третьи эшелоны смысла попросту исчезали – и весь высокий дух и сложная, многозначная интонация автора, весь сопутствующий ей контекст опрочились до воспроизведения прямых жанровых функций... Не говоря уже о теще, который воспринял свою партию скорее как коронный номер из амплуа стареющего любовника, а не как вымученное в тяжелых испытаниях коленопреклонное покаяние и мольбу о помиловании. Не услышал он в своем самолюбовании, как и многие окружавшие автора люди, обращенный ко всем вопль:

«Избави меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою. Скор будь, о утешитель, всемиростивец, не медли! Защити! Сохрани! Освободи! Помилуй мя! Помилуй мя! Помилуй мя!»...

Светлым, обнадеживающим бликом лег на ландшафт фестиваля концерт, который 25 сентября состоялся в особняке Союза композиторов. В нем приняли участие юные пианисты из Вологды и лауреаты конкурса «Я – композитор», который с этого года носит имя В. А. Гаврилина.

С серьезностью выступления юных дарований ярко контрастировала программа следующего концерта, в котором исполнялись оратория-действие «Скоморохи» и сюита из балета «Женитьба Бальзаминова». Замечательно выступил Э. Хиль. Микрофонное пение, которое многим в стенах Капеллы казалось предсудительным, с лихвой окупилось проникновением певца в эту роль. Он не только блестяще донес до слушателей свою партию, не просто вжился в нее, но как бы исподволь соединил все редакции «Скоморохов», в исполнении которых принимал участие на протяжении 35 лет. К сожалению, как в сольном варианте сочинения, лицо солиста и его полная актерская самоотдача заметно расходились с качеством подготовки – «впечетью» и «вжитостью» хора...

Особый стилизованный акцент, а вернее, контрапункт стилей возник благодаря тому, что «Скоморохи на Невском» и «Скоморох на природе», на сей раз звучали в имперски торжественном и отнюдь не для скоморохов строенном зале Придворной певческой капеллы, а незатейливые игры – такие, как выходы скоморохов в оркестр, предполагавшие здесь автором, – по многим обстоятельствам оказались невозможными роскошью.

Но, если в «Скоморохах» театрализация за неимением времени для подготовки «усохла» до размеров партии солиста, то в прозвучавшей во втором отделении сюите из балета «Женитьба Бальзаминова» она расцвела махровым цветом, выйдя далеко за предусмотренные автором рамки. Очень похожим на героя пьесы (разве что без знаменитого голубого фрака), неудачно выкрашенный белообрый скрипач на протяжении всей сюиты буквально до слез потешал рядом сидящих провинциальных барышень, что особенно удачно вписывалось в сюжеты первых трех номеров: «Женихи и невесты», «...Бальзаминов на прогулке, или себя показать, людей посмотреть» и «Жизнь веселая настала». Жаль только, что эта актерско-скрипичная самодеятельность, так же как и мизансцены в «Перезвонах», родилась не благодаря высокому качеству исполнения, а вопреки ему. Так что пример высокого академизма являлся в данном случае не столько Бальзаминов-Паганини и выдавшая виды оркестровая братия, сколько приглашенные для участия в концерте исполнители на народных инструментах (мандолина, балалайка, гитара), продемонстрировавшие подлинное уважение и любовь к автору, искреннюю увлеченность музицированием.

В этом же зале на следующий день прозвучали сочинения в разных жанрах: вокальный цикл для сопрано и фортепиано «Вечерок» и «Зарисовки» для фортепиано в 4 руки...

Было очевидно, что молодая певица, лауреат Международного конкурса Оксана Швед с большой любовью и тщанием выучила прихотливое и трепетное сочинение, но... еще не настолько, чтобы свободно самоутверждаться во всем комплексе сценического исполнения, где преодоление вокальных трудностей соседствует с задачами создания вокального образа, а драматургия цикла весьма непросто соотносится с капризной акустикой зала. Певица еще не обрела и спокойной умиротворенности, и не сумела от начала до конца выдержать еди-

ный колорит «вечерних» тонов, милых и подернутых патиной времени дорогих воспоминаний, а по молодости лет легко переключалась на провоцируемую текстом сиюминутность происходящего. Отсюда звучание ряда номеров цикла было несколько более нервозно, чем это привычно в более спокойном, дуэтом его варианте. При этом сидевшие близко слушатели хвалили исполнение и дикцию певицы, в то время как слушавшие издали жаловались, что еле разбирали сюжет то ли оперной арии, то ли речитатива, довольствуясь долетавшими до них кометными хвостами раздувавшихся гласных. Но это уже не вина исполнительницы, а высокомерные шутки тяжелой имперской акустики над лирическими страницами по иронии судьбы представленного здесь с виду незатейливого «Альбомчика».

«Зарисовки» прозвучали в исполнении специально приехавшего из Латвии фортепианного дуэта (Нора Новик и Рафи Хараджанян). Это был тот довольно редкий в современном концертной жизни случай, когда досадные недоделки не отвлекли и можно было полностью раствориться в музыке и с удовлетворением думать о высоком исполнительском мастерстве и завидной сыгранности дуэта, причем не только друг с другом, но и с автором, которого эти пианисты любят и настойчиво и убежденно пропагандируют по всему свету. Здесь было все: незримый театр, живой и прихотливый жест, пластичность танца, шубертовская песенность и россиниевская легкость, насмешка, юмор, живая гаврилинская интонация...

30 сентября было отмечено двумя памятными событиями. Утром этого дня родилась вторая внучка В. А. Гаврилина. Чуть позже пришло известие о смерти Д. С. Лихачева. В небольшом магазинчике в самом начале Невского проспекта я купил его последнюю книжку «Письма о добре». Открыв ее, прочитал: «В материальном мире большое не уместить в малом. В сфере же духовных ценностей не так: в малом может уместиться гораздо большее, а если в большом попытаться уместить малое, то большее просто перестанет существовать»...

Концерт в этот день проходил в Малом зале Академической филармонии. Уже издали можно было увидеть красовавшуюся на фасаде громадную растяжку, где красными буквами значилось: «Лина Мкртчян и Андриес Лиена». Что обещал этот большой транспарант – было не видно, зато другая, висевшая в окнах филармонии более скромная афиша сообщала, что лауреат Пушкинской премии Лина Мкртчян в этот день будет петь знаменитую «Русскую тетрадь», которую так гениально просто когда-то пела великая Зара Долуханова...

В вечернем концерте пение, к сожалению, оказалось далеко не на первом плане: на первый план вышли демонстрация почтения Д. С. Лихачеву (памяти которого был посвящен этот концерт) и В. А. Гаврилину, к портрету которого были положены охапки полученных певицей цветов. Была и демонстрация понимания театральной сущности творчества композитора, в связи с чем свет в зале был потушен и на певцу устремился узконаправленный пучок света (за его гранью остались аккомпанировавший ей и чудесно исполнивший фортепианные миниатюры композитора Евгений Талисман). Не будем рассказывать о разыгранных мизансценах, скажем только, что, на наш взгляд, талант певицы только бы выиграл, если бы все ее режиссерские усилия устремились в вокальное русло, а «Русская тетрадь» Гаврилина – еще более, если бы все внешнее ушло во внутреннее и на первый план выступила бы самозабвенная простота, которой так не хватает обладательнице редкостного голоса.

И вот 1 октября, концерт-закрытие в Капелле. Если не считать открывавшей его и впервые прозвучавшей музыки из фильма «Провинциальный бенефис» и растворенной в нем симфонической сюиты из балета «Дом у дороги», то он был выстроен как своеобразный песенный марафон, в котором приняли участие многие известные и давние исполнители песен В. Гаврилина: Э. Хиль, Л. Сенчина, Т. Калининченко, А. Асадулин, Е. Дятлов, солистка Мариинского театра Г. Сидоренко, а также Л. Мкртчян. Играл и аккомпанировал давний и преданный друг музыки В. Гаврилина оркестр телерадиокomпани «Петербург» под управлением С. Горюновым (он же вместе с балетом Большого театра открывал фестиваль). Особо следует сказать об исполнительном директоре фестиваля Галине Ефимовой, которая на сей раз выступала в качестве певицы. В дуэте с Геннадием Екимовым она спела и сыграла «Песенку о белой вороне» и «Душевный разговор». Все остальное время она – уже в другом дуэте, с финансовым директором Ириной Пановой – вела душевные разговоры и исполняла в грандиозном организационном оркестре фестиваля все другие многотрудные партии, начиная с приема ста с лишним человек труппы ГАБТа России и кончая устройством незапланированной киногруппы Лины Мкртчян. Здесь же скажем, что фестиваль был организован Министерством культуры России, Комитетом по культуре администрации Санкт-Петербурга, Союза композиторов Санкт-Петербурга, Союзом концертных деятелей России, Советом муниципального образования Дворцового округа, фондом «Петербургское наследие и перспектива» при поддержке НПСР. Генеральным спонсором выступил русский предприниматель Андрей Кудашов, спонсорами – Baltic Travel содружество, Октябрьская железная дорога, Сельскохозяйственный производственный кооператив «Цветы»; информационный спонсор – ТРК Петербург. Перед началом концерта выступили спикер Госдумы Г. Селезнев и председатель оргкомитета Фестиваля А. Петров. Заполнившая зал публика подолгу не отпускала любимых исполнителей, подаривших ей в этот вечер многие популярные песни и романсы Валерия Гаврилина.

Сырая питерская погода, по-видимому, тоже не только радовала этому первому большому Фестивалю музыки Валерия Гаврилина, но, как и все, печалилась, что в свое время недодала его виновнику ласкового солнца и тепла. И ни у кого не спрашиваясь и никого не стесняясь, провожала его своей лучезарной земной славой и своим небесным плачем. А где-то там, в поднебесье, все еще слышался провидческий голос: «Матка-река! Не гаси свечу! Укrotи волну! Покуда свече в ночи гореть, моей душе на мир глядеть! На мир глядеть, да людей жалеть»...

Александр ТЕВОСЯН.